

К. Е. МАЙТИНСКАЯ (Москва)

ЗАИМСТВОВАНИЕ РЕЛЯТИВНЫХ СЛОВ В ФИННО-УГОРСКИХ ЯЗЫКАХ

1. Падежные окончания и релятивные слова (т. е. послелого и предлоги) в предложении выполняют одинаковую функцию, но существенно различаются по их отношению к иноязычному влиянию.

Являясь формантами словоизменения, падежные суффиксы, как правило, не заимствуются. В сфере финно-угорских языков, например, нам известен только один факт заимствования падежного окончания: по наблюдениям Н. И. Исанбаева, в отатаризованном белебеевском говоре марийского языка употребляется генитивный суффикс *-ныко/-ныке*, перенятый из татарского (Исанбаев 1978 : 175—176). Думается, что такое заимствование возможно только в условиях очень высокой степени двуязычия.

В отличие от падежных формантов послелого и предлоги — это отдельные (хотя и служебные) слова, и поэтому они легче проникают в другие языки.

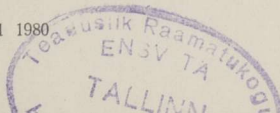
2. Для выявления заимствованных релятивных слов следует иметь в виду, что к ним не могут быть отнесены такие единицы, которые в языке-источнике еще не употреблялись в качестве послелогов или предлогов. Такие единицы в заимствующем финно-угорском языке сначала использовались лишь соответственно их категориальному состоянию в передающем языке, т. е. прежде всего как имена (реже и как другие слова), на основе которых впоследствии релятивные слова формировались уже в заимствующем языке, причем обычно по модели, характерной для этого языка, т. е. чаще всего путем присоединения соответствующих суффиксов заимствующего языка.

Например, в ряде финно-угорских языков таким путем образовались послелого от имени, восходящего к русскому существительному *бок*:
вепс. *bokale* 'к', *bokas-päi* 'от' (Stoebke 1968 : 115—116, 281—282);
вод. *bokkaza* 'у', *bokkā* 'к', *bokassa* 'от' (Ariste 1968 : 110);
эрз. *бокасо*, мокш. *бокса* 'около', эрз. *бокасто*, мокш. *бокста* 'от',
эрз. *бокас*, мокш. *бокс* 'к', эрз. *бокова*, мокш. *бокава* 'вдоль' (Кудаев 1969 : 13; Основы 1975 : 332);

коми *bokin* 'у', *bokē* 'к', *bokiš*, *boksañ* 'с, от', *bokti*, *boket*, *boked* 'вдоль, мимо' (Rédei 1962 : 79—80);

манс. *põxat* 'около', *põxan* 'к', *põxanäl* 'от' (Сайнахова 1966 : 30).

Как указано выше, приведенные единицы финно-угорских языков нельзя считать заимствованными, потому что в русском языке нет предлогов или послелогов, формировавшихся на основе существительного *бок*; кроме того, в состав перечисленных послелогов вошли падежные окончания соответствующих финно-угорских языков. По подобным же причинам нельзя считать заимствованными марийские послелого *годым*

'во время чего-либо', *годсек* 'с какого-либо времени' или манс. *porat* 'во время чего-либо'; эти послелогои формировались уже в соответствующих финно-угорских языках при помощи суффиксов этих же языков на основе заимствованных из русского языка имен; ср. рус. *год* и *пора*; однако в порядке исключения и к заимствованным послелогам могут присоединяться суффиксы заимствующего языка; например, к татарскому послелогу *kürä* 'по', перенятому мокшанским языком в виде *коре* 'по', впоследствии присоединились разные мокшанские падежные суффиксы, и суффиксальные единицы стали употребляться наряду с *коре* (см. примеры дальше).

Нельзя считать заимствованными послелогои и предлоги и в тех случаях, когда в заимствующем языке при соответствующем перенятом слове не используются никакие «собственные» суффиксы и переосмысление заимствованного слова (обычно имени) произошло уже в заимствующем языке; ср. коми *ëpt* 'товарищ, друг' > манс. *jort, jurt* 'друг' > манс. *jot, jort, jurt* 'с, вместе с'; в коми языке соответствующее слово употребляется не как послелог, а как имя, следовательно, и мансийским языком *ëpt* заимствовано как имя, а не как послелог (Lavotha 1951 : 256—257; Сайнахова 1966 : 121—122).

Несколько более сложным представляется решение данного вопроса в случаях, когда речь идет о таких релятивных словах, которым в передающем языке также соответствуют отыменные послелогои или предлоги. В подобных случаях следует выяснить, заимствовано ли «готовое» служебное слово или только имя, на основе которого уже в заимствующем языке формировались «свои» послелогои или предлоги? Естественно, что заимствованными релятивными словами могут считаться только такие единицы, которые в финно-угорские языки перешли по первому из указанных путей. Например, вепс. *mesto*, вод. *mestę, v mesto* 'вместо' (Stoebke 1968 : 125, 142, 153, 262) — это предлоги, заимствованные из русского языка в «готовом виде», поскольку в заимствующих языках для их оформления не использовались «свои» падежные суффиксы, обычные для формирования вепсских или водских послелогов и предлогов (утрата *v-* в начале предлогов *mestę, mesto* не имеет значения, так как фонетически закономерна). В отличие от указанных прибалтийско-финских предлогов коми послелог *mestae* 'вместо' (Rédei 1962 : 176) не может считаться заимствованным: в данном случае заимствовано русское существительное *место* > коми *места*, от этого слова уже в коми языке с помощью коми иллативного *-e* сформировался послелог *mestae*. Подобным же образом не могут считаться заимствованными мордовские серийные послелогои: мокш. *ёнца* 'у', *ёнца* 'из, с', *ёну*, эрз. *ёнов* 'к', мокш., эрз. *ёнга* 'вдоль', сформировавшиеся при помощи мордовских падежных суффиксов от мордовского существительного *ён* 'бок' (< тат. *ян* 'бок, сторона'); следовательно, в мордовские языки перешли не готовые тюркские послелогои, несмотря на то что в татарском языке от *ян* также формировались серийные послелогои; естественно, однако, что в состав татарских послелогов входят татарские падежные суффиксы; ср. *янында* 'около', *янына* 'к', *яныннан* 'от'.

3. По семантике заимствованные релятивные слова, собранные нами из разных финно-угорских языков, делятся на несколько групп:

а) выражающие пространственные значения:

кар. *poperek* 'поперек' < рус. *поперек* (Stoebke 1968 : 288);

удм. диал. *эмгай/ёнгай* 'по (движению)' < тат. *уңаена* 'по, по направлению' (Кельмаков 1970 : 72);

б) выражающие временные значения:

вепс. *pošle* 'после' < рус. *после* (Stoebke 1968 : 128, 288);

лив. *lidz, lits, lid* 'до' < латыш. *lidz* 'до, с' (Stoebke 1968 : 229—230, 286);

хант. *kiča, keča, kēša, košši, kēža* 'на, к' (главным образом во временных значениях) < коми *kežę* 'на' (временное значение) (Radanovics 1958 : 155; DEWOS II : 592—593);

манс. *sis* 'в течение какого-либо времени, во время чего-либо' < пермский источник, ср. удм. *šože* 'в течение чего-либо' (Сайнахова 1966 : 159);

в) выражающие образ действия:

мокш. *коре, корява, коряс* 'по (сравнению с чем-либо), согласно' < тат. *kürä* 'по' (Кудаев 1969 : 5, 18; Серебrenников 1967 : 246; в послелоги *коряс, корява* в качестве добавочных элементов вошли латив. -s и пролат. -va);

морд. *каршо* 'против' < тат. *каршы* 'против' (Кельмаков 1970 : 72); мар. *šet:n, семын* 'по, согласно, как' < чув. *šetтэн* 'по, согласно' (Веке 1911 : 257)¹;

удм. диал. *аркайгън* 'при, у, при содействии кого-либо'; ср. тат. *аркасында* 'из-за, вследствие' (Кельмаков 1970 : 72);

удм. диал. *буйынся* 'по, сообразно' < тат. *буенча, башк. буйинча* 'согласно, по' (Тараканов 1975 : 182—183);

удм. диал. *көре* 'согласно, по' < тат. *kürä* 'по, согласно' (Тараканов 1975 : 182; Левитская 1976 : 117);

удм. диал. *карата* 'соответственно, согласно, по мере' < тат. *карата* 'по, по отношению к' (Тараканов 1975 : 182);

удм. диал. *куен* 'в виде, в качестве' < тат. *көенче* 'в виде' (Тараканов 1975 : 182, 183);

манс. *mus/mūs/mūsex/mos* 'по, согласно, как' < коми *тоз* 'по, согласно' (Rédei 1962 : 167; Сайнахова 1966 : 155);

г) выражающие причинно-целевые значения:

кар. *roadi* 'ради' < рус. *ради* (Stoebke 1968 : 289);

мар. *көра* 'из-за, ради' < чув. *кура* 'из-за, по' или < тат. *kürä* 'из-за' (Серебrenников 1967 : 246);

коми *ради* 'ради, из-за' < рус. *ради*;

манс. *māyəs, mās* 'для, за, ради' < коми *могіś* 'для, за, ради, из-за' (Сайнахова 1966 : 160);

д) имеющие изъятельное значение:

вепс. *kroïne, kromje* 'кроме' < рус. *кроме* (Stoebke 1968 : 122, 284; Основы 1975 : 105);

лив. *bäs, bāz, bās* 'без' < латыш. *bes, bez* 'без' (Suhonen 1973 : 97; Stoebke 1968 : 281);

морд. *башка* 'кроме, помимо' < тат. *башка* 'кроме' (Основы 1975 : 332);

мар. *pošña, pasna* 'кроме' < чув. *pošne, pušne* 'без, кроме' (Räsänen 1920 : 181; в марийском литературном языке *посна* является компонентом сложного послелога *деч посна* 'кроме');

удм. диал. *башка* 'кроме' < тат. *башка* 'кроме' (Тараканов 1975 : 183, 189);

коми *оприч* 'кроме' < рус. диал. *опричь, опрочь* 'кроме' (Кельмаков 1970 : 72);

хант. *kiñtä/kiñša* 'кроме' < коми *kiñdža, kiñdzi* 'кроме' (Rédei 1962 : 174; DEWOS IV : 652);

¹ Думается, что *семын* из чувашского перенято уже как послелог, и менее вероятным представляется точка зрения, согласно которой *семын* является марийским отыменным образованием (см. Современный марийский язык 1961 : 289), хотя в марийском языке действительно имеется существительное *сем* 'напев, мелодия', также заимствованное из чувашского (Rédei 1962 : 169—170; Веке 1911 : 257).

е) имеющие заместительное значение:

вепс. *mesto* 'вместо' < рус. *вместо* (Stoebke 1968 : 125, 262);

вод. *mesto, mestę, v mesto* 'вместо' < рус. *вместо* (Stoebke 1968 : 142, 153, 262).

4. Судя по собранному нами материалу заимствование релятивных слов обусловлено определенными ограничениями. Например, в финно-угорских языках нами не обнаружено ни одного случая заимствования серийных послелогов или предлогов; не заимствовались и изолированные послелоги основных пространственных (локативного, лативного, аблативного) значений. Как показывают вышеприведенные примеры, из иноязычной среды в финно-угорские языки наиболее легко переходили релятивные слова определенной семантики: модальной (со значениями 'как', 'согласно', 'по', 'подобно'), временной ('в течение чего-либо', 'во время чего-либо'), изъятельной ('без', 'кроме'); реже заимствовались слова, имеющие причинно-целевые и другие значения.

Обращает на себя внимание также отсутствие заимствованных релятивных слов в литературных языках со старыми традициями — венгерском, финском, эстонском. Больше всего заимствованных релятивных слов мы выявили в бесписьменных языках, далее в языках, литературные варианты которых имеют сравнительно недавние традиции, или их традиции в прошлом были слабы. Как правило, в диалекты, особенно в периферийные, иноязычные релятивные слова проникают легче, чем в литературные языки.

Примечательно, что те финно-угорские языки, в которых собственно предлоги не употребляются, оказывают заметное сопротивление прониканию иноязычных предлогов²; поэтому угорскими, удмуртским, марийским, мордовскими языками релятивные слова из индоевропейских языков вообще не заимствовались, поскольку в последних употребляются преимущественно предложные конструкции. В этой связи все же следует оговорить, что, например, в коми языке нами обнаружено несколько подобных заимствований из русского языка. Однако их особое положение легко объяснимо. Так, русское слово *ради* потому могло войти в коми язык в качестве послелога *ради*, что оно в русском языке имеет и постпозитивное употребление (наряду с более частым препозитивным), ср. рус. *благополучия ради*. Единица *опрічь ~ опрочь* в соответствующих русских диалектах используется не только как предлог в значении 'кроме', но и как наречие в значении 'отдельно' (Даль 1955 : 685), и в последнем качестве в предложении и словосочетании она может иметь разное расположение, что и помогло данному слову упрочиться в коми языке в качестве послелога *опрічь* 'кроме' (см. выше). Русские предлоги *на* и *по*, вошедшие в присыктывкарский диалект коми языка, в последнем употребляются только в калькированных выражениях, типа *чэр на чэр* 'друг друга', *мешок на мешок* 'мешок за мешком', *по джынью* 'по половине', *по от'ику* 'по одному' (Жилина, Барақсанов 1971 : 183).

Предлоги из индоевропейских языков проникали только в прибалтийско-финские языки, так как в последних, наряду с послеложными конструкциями, довольно часто используются и предложные; так, из русского языка в карельский перешли предлоги *поперек*, *после*, в вепсский — *кроме*, *вместо*, в водский — *вместо*; из латышского языка в ливский вошел также ряд предлогов (см. выше).

Из источников заимствования релятивных слов наиболее значительное место занимают русский и тюркские (татарский и чувашский)

² С. З. Деваев отмечает, что в мордовские языки проникли тысячи русских слов, но среди них нет ни одного предлога (ОМД II : 417).

языки; отдельные послелого и предлоги переходили в финно-угорские языки из балтийских и родственных финно-угорских языков.

ЛИТЕРАТУРА

- Даль В. 1955, Толковый словарь живого великорусского языка II, Москва.
- Жилина Т. И., Бараксанов Г. Г. 1971, Присыктывкарский диалект и коми литературный язык, Москва.
- Исанбаев Н. И. 1978, Влияние татарского языка на падежную систему восточно-марийских говоров. — СФУ XIV, 172—177.
- Кельмаков В. К. 1970, Некоторые общие пути образования послеложных форм в финно-угорских языках. — Вопросы финно-угроведения, вып. 5, Йошкар-Ола.
- Кудаев П. С. 1969, Категория послелогов в мордовских языках, Тарту (Автореферат канд. дисс.).
- Левитская Л. С. 1976, Историческая морфология чувашского языка, Москва.
- Основы финно-угорского языкознания. Прибалтийско-финские, саамский и мордовские языки, 1975, Москва.
- Сайнахова А. И. 1966, Служебные слова в мансийском языке, Москва (Канд. дисс.).
- Серебrenников Б. А. 1967, Историческая морфология мордовских языков, Москва.
- Современный марийский язык. Морфология, 1961, Йошкар-Ола.
- Тараканов И. В. 1975, Служебные слова тюркского происхождения в диалектах удмуртского языка. — Вопросы удмуртского языкознания 3, Ижевск.
- Ariste, P. 1968, A Grammar of the Votic Language, Bloomington — The Hague (UAS 68).
- Beke, Ö. 1911, Cseremiszy nyelvtan, Budapest (Finnugor Füzetek 16).
- Lavotha, Ö. 1951, Vogul *furt*. — NyK LIII, 256—260.
- Radanovics K. 1958, Ok- és célhatározó névutók a- chanti nyelvben. — NyK LX, 147—157.
- Rédei, K. (Radanovics) 1962, Die Postpositionen im Syrjänischen unter Berücksichtigung des Wotjakischen, Budapest.
- Räsänen, M. 1920, Die tschuwassischen lehnwörter im tscheremissischen, Helsinki (MSFOu XLVIII).
- Stoebke, R. 1968, Die Verhältnswörter in den ostseefinnischen Sprachen, Bloomington — The Hague (UAS 93).
- Suhonen, S. 1973, Die jungen lettischen Lehnwörter im Livischen, Helsinki (MSFOu 154).

K. J. MAITINSKAJA (Moskau)

ENTLEHNT E VERHÄLTNI SWÖRTER IN DEN FINNISCH-UGRISCHEN SPRACHEN

Das Entlehen von Verhältnswörtern zeigt in den finnisch-ugrischen Sprachen gewisse Regelmäßigkeiten. Es wurden z. B. keine Postpositionsserien (Postpositionsgruppen) und auch keine isolierten Verhältnswörter mit lokativischer, lativischer und ablativischer Bedeutung entlehnt; die meisten entlehnten Verhältnswörter haben modale, temporale, karitivische und substitutivische Bedeutungen. In den alten Literatursprachen, d. h. im Ungarischen, Finnischen und Estnischen sind keine entlehnten Verhältnswörter aufzufinden; im Gegenteil sind mehrere Verhältnswörter in die anderen finnisch-ugrischen Sprachen, besonders in deren Randdialekte (auch in die Randdialekte des Finnischen und Estnischen) eingedrungen. Die ugrischen, permischen, wolgaischen Sprachen, in denen die Anwendung von Präpositionen fremd ist, übernahmen keine Verhältnswörter aus den benachbarten indoeuropäischen Sprachen (auch nicht aus dem Russischen), da in den letzteren allgemein eben die Präpositionskonstruktionen gebräuchlich sind. Dagegen entlehnten die erwähnten finnisch-ugrischen Sprachen mehrere Postpositionen aus türkischen und verwandten finnisch-ugrischen Quellen. Im Gegenteil kommen in den ostseefinnischen Sprachen entlehnte Präpositionen nicht selten vor; da in diesen Sprachen auch «eigene» Präpositionskonstruktionen ziemlich gewöhnlich sind. Unter den Quellen, aus denen in die finnisch-ugrischen Sprachen Verhältnswörter eingedrungen sind, müssen in erster Linie das Russische, Tschuwaschische und Tatarische erwähnt werden, aber einzelne Verhältnswörter sind auch aus den baltischen und verwandten finnisch-ugrischen Sprachen übernommen worden.